челобитной», то и XVIII век сохранил немало сведений о тех же порядках, поэтому наличие списков «Калязинской челобитной», и в XVIII в. точно повторяющих старый текст XVII в., вполне понятно.

Монастырское пьянство и в XVIII в. было совершенно заурядным явлением, но теперь создается желание скрыть его от посторонних глаз. Так, совет монастырских старцев в 1754 г. выносит любопытное постановление по поводу уличенного в пьянстве иеромонаха: «Иеромонаха Паисия за то, что он пьяный волочился и ночевал в монастырском дворе мимо монастыря, при братьи наказать плетьми, дабы другим монахам пьянствовать и в мирские домы, где не подлежит, ходить не повадно было; а когда монах где напился, то б и шел в монастырь, а за монастырем нигде бы не ночевал и не спал».[1]

Сами монахи, видимо, не считали пьянство особенно большим грехом. В начале XVIII в. один монах Александро-Невской лавры был привлечен к суду за то, что пришел в церковь «в пьяном образе», и оправдывался тем, что он «был де малое число под хмель, а не совершенно пьян».[2]

Как жили в это время в крупных монастырях, мы достаточно знаем по историческим материалам. Как дополнение к ним, большой интерес представляют созданные в той же Александро-Невской лавре вирши «о орачах, которые в чернцах». Автор — защитник своеобразного аристократизма, который считает привольную монастырскую жизнь подходящей только для «людей честных и разумных»: в его понимании это люди, которые и в миру жили чужим трудом. Но «орач» — крестьянин не должен уходить от «рала», он «свинья неразумная», а потому все прелести монашеского быта для него окажутся искушением сатаны, и он благодаря им попадет прямо в ад, тогда как у «рала» его не настигнет демон. Несмотря на свою ясно выраженную классовую физиономию, автор вирш совершенно откровенно описывает ту обстановку, в которой спасаются «разумные и честные» души в монастыре: «романея и ренское», «сосуды златые», которые можно и красть, табак, и наконец «отрочата»... Нетрудно увидеть, что «Калязинская челобитная», пожалуй, даже слишком скромна в своих обличениях монастырской распущенности, сравнительно с тем размахом ее, какой она приняла в XVIII в.[3]

[1] А. С. *Лебедев. Сведения о некоторых архивах духовного ведомства в губ. Курской* и Харьковской, Харьков, 1902, стр. 13.

[2] Описание архива Ал.-Невской лавры за время царствования Петра Великого, т. I, СПб., 1903, 1713—1716 гг.

[3] Привожу текст этих неизвестных в печати вирш по рукописи собр. Мазурина № 755, XVIII в. Составитель сборника внес эти вирши рядом с «Калязинской челобитной».